

можно предпочесть, как кажется, проблематичному толкованию из формы причастия будущего времени, предлагаемому авторами для болгарского слова (стр. 322).

Форму *ձѣвгам* (Прилеп) 'за любовник' обычам' авторы понимают как метатезу **сдвиг-* > *ձѣвг*, ср. болг. *двігам*, russk. *двигать* и т. д. (стр. 376). Не совсем ясно, насколько реально предполагаемое здесь звуковое изменение. Речь, по-видимому, должна идти здесь о македонско-западноболгарской аффрикате *ձз*, которой в других славянских языках обычно соответствует *з*, *з*. Далее, поскольку очевидно, что перед нами достаточно экспрессивный термин (ср. значение: 'любить, о любовнике'), вполне приемлемым и прозрачным кажется произведение слова *ձѣвгам* в указанном значении из подходящей греческой технической лексики, объединяемой корнем *ζευγ-/ζυγ-* 'соединять, спаривать'. Ср. макед., болг. *ձевгар*, *зевгар* 'пара волов' того же происхождения.

Жаль, что точка зрения Младенова о том, что болг. *ձиря ж.* 'след', *ձиря* (глагол) 'следить' родственно лит. *dyrēti* 'высматривать', никак не отражена и не использована авторами нового словаря, где мы находим лишь толкование от *деря* 'деру' (стр. 396), по ряду соображений менее привлекательное.

Случайной ошибкой лишь можно объяснить этимологию болг. *ձлѣга* 'шина, которую налагают на переломленную кость' из *ձлѣбка*, **ձлѣбъка* (стр. 399). Сравнение с чеш. *dláha* с тем же значением, сербохорв. диал. *dlaga* то же, далее — польск. *podłoga* '(досчатый) пол' убеждает нас в том известном факте, что перед нами довольно широко распространенное слово с праславянской формой **dolga* и особыми индоевропейскими соответствиями, о которых мы здесь говорить не будем.

Вышеизложенные беглые замечания говорят главным образом о том, насколько славянская этимология заинтересована в правильной разработке болгарской этимологии, а также в еще большей степени — о том, насколько успехи болгарской этимологии зависят от всей славянской и индоевропейской этимологии в целом. Этим объясняется и пристальное внимание, которым пользуется среди лингвистов-этимологов каждый очередной выпуск рецензируемого болгарского этимологического словаря*.

O. H. Трубачев

F. Sławski. *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. III, zesz. 1(11): *kotar — krobia*. Kraków, 1966

Новый выпуск — 1-й выпуск т. III польского этимологического словаря Ф. Славского — охватывает следующую часть польского словарника на букву К-. По всей вероятности, эта буква займет еще, по крайней мере, несколько выпусков. Материал обрабатывается автором с той же основательностью, которая характеризует ряд предыдущих выпусков словаря Славского, во всяком случае — его II том. Здесь опять может оказаться наглядным сравнение со словарем А. Брюкнера: так, если у последнего в рамках идентичного словарного отрезка (*kotar — krobia*) текст умещается на пяти с небольшим страницах, то Славский посвящает этому же отрезку свыше ста страниц словарного текста. Разумеется, известно, что это совершенно разные словари, различные по своим задачам. Полнота последних словарных этимологических статей Славского проистекает от современной трактовки предмета, оснащенной данными словарной истории, географии, библиографической информации

*Автор этих строк имел возможность во время своего пребывания в Софии в январе—феврале 1965 г. неоднократно принимать участие в заседаниях коллектива составителей этого словаря, на которых тогда обсуждалась как раз рукопись настоящего пятого выпуска. — O. T.

(ср. в последнем случае обширный дополнительный перечень литературы и источников, см. стр. 1—6 наст. выпуска). В этом смысле мы всецело отдаем предпочтение Славскому, а не Брюкнеру. Словарь Славского выгодно отличается от словаря Брюкнера в рамках рецензируемого здесь выпуска также и значительно большей лексикографической подробностью. Примеров лакун у Брюкнера мы здесь приводить не будем, что касается пропусков у Славского, сравнительно со словарем Брюкнера, то в данном выпуске мы заметили только один: *Kraków*. Название важнейшего польского города опущено, очевидно, по принципиальным соображениям, словарь ограничивается польской appellативной лексикой. Впрочем, о слишком строгом соблюдении принципов отбора здесь можно, пожалуй, пожалеть.

Свои немногочисленные замечания на полях словаря Славского по данному выпуску мы предлагаем ниже в алфавитном порядке. Польское слово *kozub* 'корзиночка, коробка из коры, кузов', с XVI в., наряду с вариантом *kazub* в тех же значениях, засвидетельствованным с того же времени (в словарях Мончинского и Фолькмара), ср. также диалектные варианты *kogub* : *kazib* 'берестяной кузовок; долблений сосуд; живот; выеденный внутри гриб, плод; прогнившее дерево', 'презирательное название старой коровы, лошади' Славский объясняет (вслед за Брюкнером) как образование от *koza*. Польское слово вместе с чешскими, словацкими и украинскими соответствиями Славский объединяет вокруг северославянского диалектного **kozubъ*/**ka-zubъ*. Несмотря на то, что и эта статья у Славского разработана детальнее, чем у Брюкнера, основные моменты этой этимологии продолжают оставаться неудовлетворительно выясненными: словообразование, фонетика, семантика. В словообразовательном отношении внушиает сомнение мысль о производном на суффикс *-ubъ*, поскольку достоверных примеров такой суффиксации у нас нет, а единственный пример Славского — *kostrub*— более убедительно этимологизируется совсем иначе, без допущения суффиксального *-ub-*. С точки зрения фонетики продолжают оставаться необъяснимыми дублеты *o* : *a* (*kazub!*!), если мы вместе с Брюкнером и Славским примем происхождение от *koza* 'коза'. В семантическом плане примеры других производных от *koza* 'коза' у Славского обладают прежде всего значениями 'кожа, кожаный мешочек', ср. russk. диал. *козыца*, *козевка*, *козына*. Начав с семантики, мы видим, что для польск. *kozub* и родственных форм как раз не свойственны значения 'кожа, кожаный', но с удивительной последовательностью выступают значения 'коробка, корзинка из коры', 'выдолбленное, выеденное изнутри'. В этом мы усматриваем, наряду с вышеизложенным, серьезный довод против родства слов *kozub* и *koza*. Более естественной нам представляется этимология, согласно которой польск. *kogub* и родственные (включая отклонившееся русск. *кузев!*) продолжают праслав. **kozobъ*, именное образование от глагола **zobati* 'есть, клевать' с префиксом *ko-*. Семантически (и реально) это объяснение отражает различные виды хозяйственного применения обозначаемого ('корзинка для съестного') и не противоречит таким значениям, как 'выеденное изнутри'. В словообразовательном отношении такая этимология не нуждается в особом доказательстве, так как речь идет об известном типе славянских именных сложений с префиксом местоименного происхождения. С принятием этой этимологии устраняются и фонетические трудности, поскольку известны варианты этого префикса с огласовкой *a* и *o*.

Очень сомнительно по формально-фонетическим соображениям сближение слова *krasa* с лит. *kárštas* 'горячий'; отсылка к отношениям **korkъ* : *krak* здесь мало помогает. Минуя здесь объяснение В. Пизани (*Paideia* VIII, 1953, стр. 312) из **krōsā*, якобы родственного греч. χρώτης < **krōstn*, оставшееся, по-видимому, неизвестным Славскому, мы предпочли бы выделить другую этимологию, предложенную для близкой формы Вайяном и тоже, к сожалению, оставшуюся вне поля зрения автора нового польского этимологического словаря. Речь идет о статье А. Вайяна *Russe kráše 'plus beau'*, опубликованной в сборнике в честь С. Младенова (София, 1957, стр. 283 и сл.), где русск. *краше* связывается с глаголом на *ē* долгое (*ě*) в корне — **krēsiti*, русск. *воскресить*.

Напротив, хочется выделить истолкование автором слова *kręzle* 'деревянная конусообразная насадка на прялке' как производного от **krožiti*, при наличии слов типа укр. *кӯжіль*, форма и значение которых говорят не об особом праслав. **kroželъ*, а о вторичном влиянии праслав. **kqdelъ* на **kroželъ*.

O. H. Трубачев

Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo.

ČSAV. Ústav jazyků a literatur. Brno, 1966

Аннотируемый пробный выпуск «Этимологического словаря славянских языков» является новым важным этапом в работе брненского этимологического коллектива, поставившего своей целью осуществить замысел покойного профессора Махека. Пять лет назад, в 1964 г., этот коллектив, возглавляемый доктором филологических наук Фр. Копечным, выпустил в свет очень интересное издание — «Základní všešlovanská slovní zásoba», которое хотя и не было по замыслу связано с работой над «Этимологическим словарем», стало своего рода подготовкой к нему. Теперь перед нами 27 пробных статей будущего «Этимологического словаря славянских языков», снабженных кратким введением, знакомящим читателя с целями и методикой составителей словаря. Составители выпуска — Е. Гавлова, Ф. Копечный, А. Матл, Г. Плевачева и В. Чапкова; редактор выпуска и автор введения — Е. Гавлова.

Для суждения о современном этимологическом словаре большое значение имеет его словник: он отражает представление составителей словаря об объекте исследования, степень их проникновения в лексику языка, в его диалекты и историю. Иными словами, словник этимологического словаря в значительной степени является итогом работы над словарем. Судя по представленным в брненском пробном выпуске словарным статьям, а также по введению к нему, цели составителей нового этимологического словаря славянских языков близки направлению Бернекера: предполагается этимологическое объяснение лексики отдельных славянских языков, включая сюда равно и общие им всем слова, восходящие к праславянскому языку, и заимствования периода самостоятельного развития отдельных славянских языков (*čičekъ*), и праславянские диалектизмы отдельных языков (*golmę* 2), и единичные образования отдельных славянских языков — современных и древних (луж. *da*, др.-чеш. *pravěkъ*). Соответственно этому в словнике соседствуют праславянские реконструкции и формы современных славянских языков. Набор пробных статей и их обработка обнаруживают стремление составителей максимально использовать данные диалектологии и истории славянских языков (см. Введение, стр. II).

Разработка пробных статей выпуска отражает направление современной этимологической теории, требующей гибкого анализа морфологии, морфонологии и семантики отдельной лексемы в ее истории и лингвогеографии, в кругу всех ее производных, на фоне той части лексики, которая могла семантически или фонетически оказать влияние на формирование и изменение данного слова (см. работы Гиро, Трира, Якобсона, Малкиля). В связи с этим следует отметить прежде всего внимание брненского коллектива к семантической стороне этимологии начиная с обозрения круга значений не только живых лексем, но и реконструируемых праславянских и кончая серьезными требованиями к семантической обоснованности тех или иных этимологических решений.

Решению вопросов структурного и семантического порядка служат производные образования, перечень которых, с большей или меньшей степенью тщательности, приводится по возможности в каждой статье. Подобное размещение их может несколько затруднить впоследствии поиск материала в словаре, но опыт «Этимологического словаря» Махека служит наглядным свидетельством возможности успешного сочетания гнездового принципа с пословным анализом, а о существенности производных для этимологического изучения отдельных слов спорить не приходится.